

Можно ли соединить «пространство нефти» и «нефть в пространстве»?

Ю.К. ШАФРАНИК, доктор экономических наук, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России, Москва
В.А. КРЮКОВ, чл.- корр. РАН, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Развитие нефтегазового сектора России имеет свои существенные особенности, обусловленные не только характеристиками ресурсной базы, но и значительным влиянием пространственного фактора. Научоемкие и априори инновационно ориентированные малые и средние компании имеют более благоприятные перспективы в ранее освоенных районах, в то время как выход в новые районы в большей степени отвечает особенностям функционирования и развития крупных вертикально интегрированных компаний-лидеров.

Ключевые слова: углеводороды, пространственное развитие, вертикально интегрированные компании, инновационные малые и средние компании, восток России

В течение последних лет с меняющейся интенсивностью в разных изданиях ведутся дискуссии о роли и месте нефти не только в мировой и отечественной энергетике, но и в экономике страны и даже в ее политической системе. Неоднозначность позиций самых разных авторов и самых разных точек зрения побудили и нас коротко высказаться о нефти в современном мире и в современной российской реальности. Основное, что нам хотелось бы донести до читателя, состоит в том, что нефть (и все процессы, с ней связанные) не является исключением из того общего круга проблем, которые происходят в мире и тем более в нашей стране. В то же время роль и место нефти в нашей экономике и в целом в развитии страны имеют определенную специфику, которой нельзя пренебрегать и не видеть которую чревато негативными последствиями для выхода экономики на траекторию поступательного развития. Эта специфика определяется в значительной мере той ролью пространства (обширных территорий), которое является одновременно и нашим активом, и нашим пассивом. Активом – с точки зрения тех возможностей, которые открываются при переходе от более освоенных территорий к менее освоенным (и, что особенно важно

в современных условиях – к более благоприятным в экологическом отношении); пассивом – тех колоссальных проблем и немалых затрат капитала и труда (правда, в то же время и вызовов, которые ведут к появлению новых решений и продвигают и экономику, и общество) [1, 2]. Роль пассива проявляется и в возможности следования ранее наработанным практикам и подходам, многие из которых, увы, уже недостаточны для повышения конкурентоспособности в современном мире.

Поэтому, как мы считаем, роль и место нефти в нашей стране (и в экономике, и в политике) не могут быть адекватно поняты и оценены в русле и в рамках односторонних противопоставлений (таких, как научно-технический прогресс – нефть, города – нефть, развитие – нефть, гражданское общество – нефть и проч.), для которых присущи однозначные оценки-приговоры: проклятье (ресурсное), болезнь (голландская), застой (советский или уже постсоветский) [3].

Как минимум, адекватная оценка роли и места нефти в экономике и, в целом, в развитии России предполагает рассмотрение в динамике взаимодействия двух пространств – «пространства нефти» и «нефти в пространстве».

Наша нефть – достигнутые результаты впечатляют

Российская нефтегазовая промышленность является одной из крупнейших в мире и продолжает успешно развиваться. По итогам 2016 г. добыча нефти и газового конденсата достигла максимального за всю историю уровня – 547 млн т. Россия занимает второе место в мире после США по добыче нефти и природного газа и второе – после Саудовской Аравии – по экспорту нефти. Страна выходит на мировой рынок СПГ – создаются новые мощности по его производству, увеличивается протяженность нефтегазопроводов, включая экспортные. Осваиваются новые месторождения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

«Пространство нефти» – стремительные перемены

«Пространство нефти» – внутренняя структура связей и взаимоотношений в рамках многостадийного процесса – от поисков

нефти до ее добычи, а также ее связи с «внешним» (по отношению к ней) миром – претерпевает колоссальные (говоря языком геологии – тектонические) трансформации.

«Внешний» мир характеризуется стремительным развитием производства альтернативных энергоресурсов, а также резким изменением представлений о потребностях экономики в углеводородах под влиянием научно-технического взрыва последних двух десятилетий [4]. Горячие головы даже заявляют об окончании «эры нефти» в обозримые 20–30 лет. В числе оснований, например, то, что растет число инициатив на уровне самых различных стран по отказу от двигателей внутреннего сгорания в долгосрочной перспективе. В частности, Китай предполагает к 2050 г. достичь 30%-й доли электромобилей. Стремительно растет производство энергии из альтернативных источников, которое сопровождается впечатляющим снижением затрат; усиливается внимание к проблемам охраны окружающей среды и проч.

Важно то, что в сфере поисков и добычи углеводородов стремительно меняется и внутренняя структура – соотношение различных типов компаний, а также видов и сфер деятельности. Все это происходит под влиянием и научно-технического прогресса, и тех новых условий, в которых отныне осуществляются все процессы от поисков и до добычи включительно. Иллюстрацией является то, что США, например, менее чем за десять лет нарастили добычу нефти с 339 до 625 млн т, а газа – с 545 до 749 млрд м³. Как итог, рост предложения углеводородов на мировом рынке превысил спрос на них, в результате цены на нефть, например, упали втрое. Диктат производителя сменился диктатом потребителя углеводородов.

При рассмотрении «пространства нефти» важно понимание отмеченных выше процессов не столько в контексте его сжатия – вплоть до окончательного искоренения, сколько понимания, что и как будет «потом». Есть все основания утверждать, что «потом» нефть останется (хотя и в более скромных масштабах) – не только как источник энергии, но, например, как база для получения разнообразных материалов и продуктов. Для нас важно, что этот переход в состояние «потом» будет происходить во времени и сопровождаться изменениями во внутреннем «пространстве нефти». К числу таких изменений, несомненно, следует

отнести усиление роли знаний и интеллекта на всех стадиях и на всех этапах от поисков до добычи. Так, большие данные и информационные технологии, на основе которых получают распространение распределенные базы знаний и данных, будут становиться более доступными для тех, кто готов рисковать при реализации новых проектов. И эти новые процессы будут во все большей степени определять динамику нефтегазового сектора и в мире, и в нашей стране. Результат – снижение издержек (несмотря на ухудшение горно-геологических и географических условий), умеренные цены и успешность только тех, кто окажется конкурентоспособен. Следует отметить, что льготы и преференции не могут оставаться значимыми в долгосрочной перспективе – их назначение состоит в запуске новых процессов. Роль инновационных компаний неизмеримо возрастает, возникает среда, в рамках которой взаимодействуют и крупные вертикально интегрированные (ВИНК), и малые и средние компании (число которых стремительно растет). В этой ситуации вертикально интегрированные, в частности, утрачивают многие свои универсальные преимущества и уже не имеют всеобщего характера (например, фактор экономии на масштабе). Бизнес по производству (от поисков до добычи) углеводородов все в большей степени нормализуется с точки зрения его доходности (в том числе и так называемой бюджетной эффективности) вследствие сложной «игры» – издержки – результаты.

Важная особенность «пространства нефти» состоит и в том, что на новых объектах – более сложных и более наукоемких, а также расположенных в ранее освоенных районах, малые и средние инновационные компании более чем успешно конкурируют с вертикально интегрированными, равно как и для независимых сервисных подрядчиков подобные объекты становятся основной сферой приложения усилий.

Примерно так – в самом сжатом виде – выглядит динамика современного «пространства нефти» в обозримом будущем.

Российское «пространство нефти»

В современной России «пространство нефти» имеет свою специфику. В основе лежат особенности ресурсной базы углеводородов, тот колоссальный задел, который был создан за годы плановой экономики, а также та роль, которую углеводороды

играют в доходах государственного бюджета. Несмотря на сообщения об окончании эры нефти в России, по итогам первого полугодия 2017 г. экономика страны выросла на 1,4% во многом благодаря росту цен на нефть и высокому уровню экспортных поставок.

Эти обстоятельства определяют и иные формы связей и взаимодействий всех участников отечественного «нефтяного пространства». Доминирующую роль играют вертикально интегрированные компании (прежде всего, компания-лидер ПАО «Роснефть»); роль малых и средних инновационных компаний остается более чем скромной; современные информационные технологии и подходы экономики знаний используются все более широко, но в то же время в значительной мере как дополняющие и в русле тех представлений, которые зарекомендовали себя в других странах мира (число отечественных прорывных технологий более чем скромное) [5].

Отличие отечественного «пространства нефти» от стран-лидеров (с точки зрения роста глобальной конкурентоспособности отрасли) характеризуется сосуществованием и тесным взаимодействием весьма противоречивых тенденций. А именно, стремление к применению и развитию передовых технологий сопровождается сжатием «подпространства» сервисных услуг (многие из которых становятся составными частями ВИНК); при нарастании роли все более сложных и все менее традиционных источников углеводородного сырья (баженитов, доманиковых, хадумских и прочих «новых» геологических объектов) отмечается стремление к регламентации (разработке и применению) определенных стандартных подходов к оценке ресурсного потенциала; все более углубляющееся несоответствие рисковому характера освоения новых объектов и системы налогообложения; сюда же отнесем отсутствие специализированных финансовых институтов, что противоречит мировой практике и объективным потребностям отрасли.

Отечественное «пространство нефти», конечно, меняется, но все же, на наш взгляд, не так динамично и не столь целенаправленно, как этого требует современная действительность (достаточно отметить, что запланированная к выходу в свет в 2015 г. «Энергетическая стратегия России на 2035 год» пока так и не увидела свет. Среди причин – отсутствие консенсуса

в профессиональном сообществе, в том числе и по отмеченным выше вопросам).

Нефть в пространстве России

Наша страна стала Россией после Московской Руси тогда, когда двинулась на восток. Пространство во многом определяет особенности и экономики, и управления, и развития Отечества. Экономическую основу движения на восток сначала составляла пушнина, а потом эта роль прочно закрепилась за минерально-сырьевыми ресурсами. Начиная с середины XX в. доминирующим ресурсом становятся углеводороды. Благодаря формированию новых топливных баз были построены новые города, проложены дороги и коммуникации – иными словами, был обеспечен переход от географического пространства к пространству экономическому (мы далеки от мысли идеализировать данные процессы – были и ошибки, но то, что сделано, имеет в целом колоссальное позитивное значение, и это для нас вполне очевидно).

И этот путь в пространстве далеко не завершен – Восточная Сибирь и Арктика, шельф и Дальний Восток таят в себе немалые возможности. Показателен в этом отношении современный пример Республики Саха (Якутия) – освоение нефтегазовых месторождений и сооружение новых инфраструктурных объектов на ее территории служат мощным подспорьем для первичной отрасли специализации – алмазодобычи, которая также переживает трудности перехода к все более сложным геологическим объектам. Движение «нефти в пространстве» определяет не столько бизнес, сколько государство и компании-лидеры (как правило, с государственным участием – ПАО «Роснефть», ПАО «Газпром», а также ОАО «Сургутнефтегаз»).

Считаем необходимым отметить, что противопоставление современной пространственной экономики (базирующейся на «центрах экономической активности» – агломерациях) динамике пространства, основанного на освоении и использовании природных ресурсов, носит чересчур общий характер и не принимает во внимание специфику России. Природные ресурсы, в том числе углеводороды, еще долго будут необходимы человечеству. Однако формы и подходы к их освоению и вовлечению в хозяйственный оборот меняются и будут непрерывно меняться. Учитывая то, что знания и интеллект приобретают доминирующее

значение, меняются и организационные формы, и рамки реализации проектов. Вряд ли в современных условиях есть место моногородам и стационарным монопрофильным поселениям. Очевидно, и в будущем процесс будет развиваться в направлении формирования пространственно-рассредоточенных проектов: собственно добыча будет происходить в местах размещения источников ресурсов (при максимально возможном применении информационных технологий – по аналогии со смарт-генерацией и автономно-управляемыми карьерными комплексами), в то же время разработка и сопровождение данных систем, управление ими, а также получение готовых продуктов будут иметь место на значительном удалении.

Можно сформировать представление о будущем, гораздо сложнее перейти от ранее созданных для других экономических условий технологических комплексов к их новому качеству. Здесь как никогда велика роль целенаправленного государственного регулирования, при обязательном учете фактора пространства. Вряд ли целесообразно, например, в агломерациях осуществлять первичную переработку сырья.

Нефть и газ – это не только энергоресурсы страны, но и важные факторы её пространственного развития – в определенном смысле скрепы ее территориального каркаса. Россия, вполне возможно, когда-то станет экономикой крупных урбанизированных агломераций, функционирующих за счет сильных внутренних производственных, социальных и культурных связей, в рамках которых создаются товары и услуги на основе действия синергетического эффекта. Однако та ситуация, в которой сейчас находятся и страна, и ее экономика, не позволяют говорить об этом как о среднесрочной перспективе (равно как и о перспективе за пределами 10-летнего, например, горизонта). Не может не настораживать обезлюдение огромных пространств России: исчезают малые города, экономическая деятельность стихийно стягивается в весьма немногие центры.

Нам нужно включение в систему глобальных экономических связей, но не любой ценой. Так, например, при реализации нефтегазовых проектов на востоке страны приоритет имеют припортовые и приграничные территории: Амурский ГПЗ, Находкинский НПЗ, Восточный нефтехимический комбинат – это всецело экспортоориентированные производства [6]. Обязательно

должна присутствовать и внутренняя пространственная составляющая подобных проектов (например, в виде производств, ориентированных на местные рынки и работающих в тесной пространственной кооперации). Нельзя не упомянуть единичный, пожалуй, пример – ОАО «Иркутская нефтяная компания» реализует ряд нефтехимических проектов внутри Восточной Сибири [7].

Динамика пространства России диктует особое предназначение для крупных вертикально интегрированных компаний, но не в качестве единственных участников процесса продвижения на север и на восток, а в качестве компаний-лидеров (того, кто берет на себя непростую задачу пионерного освоения).

Как соединить разные «пространства»?

Мы считаем, что в современной России есть место самым разным компаниям с самыми разными подходами и навыками. Наши сегодняшние отраслевые лидеры – ПАО «Газпром», «Роснефть», «Газпромнефть», ОАО «Сургутнефтегаз» развиваются успешно, все шире применяют новейшие технологии. Однако быть лидером – не значит всё делать самому или создавать в собственных рамках миннефтепромы и мингазпромы, но, прежде всего, быть центром формирования эффективной среды. Такой подход позволит сформировать широкий спектр отечественных инновационных компаний, которые могут более эффективно осуществлять конкретные задачи в конкретном месте и конкретных условиях. При огромном спектре пространственных, геологических и экономических различий, наблюдаемых от Калининграда до Камчатки, нельзя пользоваться одним универсальным подходом ко всем проектам.

Уже сегодня поддержание современного уровня добычи требует освоения все более сложных месторождений, относящихся к категории с трудноизвлекаемыми запасами. Для этого необходимы и особые технологии, и особые бизнес-условия (которые у нас почему-то отождествляются только с налоговыми льготами и преференциями). Среду, подобную той, что есть в США и Канаде, одним махом не создашь. Тут очень важно избежать упрощенчества и поспешности. Также опрометчиво полагаться только на то, что «бизнес всё знает и всё сделает сам». Поэтому ключевыми становятся вопросы государственной научно-технологической политики.

Необходимы не просто современные технологии, но и навыки и умения работать эффективно в конкретном месте, в конкретном регионе. Нужны не столько предписания, сколько сигналы для бизнеса – какие складываются экономические условия для реализации проектов в разных точках обширного пространства.

При отсутствии рынка и наличии значительной непрозрачности многих экономических процессов выход видится в широком распространении той самой цифровой экономики, о которой так много говорят и пишут в последнее время. Именно распределенные базы знаний и данных под патронатом профессионального сообщества, а также государственных научных организаций, вполне могут выполнить эту роль (много, в частности, говорится об экспертной роли академической науки России – прежде всего, РАН; почему бы РАН не возглавить это архиважное дело?).

Соединение невозможно вне доверия и делегирования

Очевидно, что в процессе развития отечественного нефтегазового сектора заметное участие принимают общественные профессиональные объединения. Многие рекомендации, например, Высшего горного совета, Некоммерческого партнерства «Горнопромышленники России», а также Союза нефтегазопромышленников России легли в основу различных решений по развитию сектора. В 2017 г. под многолетним «натиском» профессионального сообщества налог на добычу полезных ископаемых стал утрачивать свою незыблемость: с января 2018 г. на пилотных проектах будет работать налог на добавленный доход, в большей мере отвечающий современным условиям развития отрасли.

Тем не менее права профессиональных объединений все еще малы для обеспечения соединения особенностей развития «пространства нефти» и нефти в пространстве России. Тут уместно обратиться к историческому опыту. Так, в «Положении о Съездах горнопромышленников Уральской горной области» [8. С. 176–178], которое было утверждено министром земледелия и государственных имуществ Российской империи 2 января 1898 г., вполне определенно и ясно была очерчена

направленность подобных съездов – обсуждение вопросов, касающихся интересов и нужд горной промышленности, а также разрешения всякого рода экономических и административных дел. В соединении пространств (см. выше) роль регионального уровня государственного управления, а также профессиональных сообществ и организаций, представляющих интересы различных видов бизнеса, велика как никогда. Остро назрела необходимость не столько внесения необходимых изменений и уточнений в современное российское законодательство, сколько целенаправленного формирования условий, навыков и подходов работы в конкретных условиях.

Пространство в его неповторимости – не только источник проблем и трудностей, но также и фактор формирования собственного подхода к использованию потенциала природных ресурсов (и нефти, в том числе) на благо нашего Отечества.

Литература

1. *Шафраник Ю.К., Крюков В.А.* Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между легендарным прошлым и неясным будущим? – М.: Нефтегазовая вертикаль, 2000. – 224 с.
2. *Шафраник Ю.К., Крюков В.А.* Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. – М.: Издательство Перо, 2016. – 272 с.
3. *Кудрин А.Л.* Города вместо нефти// Ведомости. – 2017. – 20 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/20/724744-goroda-nefti>
4. Beyond the Supercycle: How Technology Is Reshaping Resources. February 2017//In Collaboration With McKinsey's Global Energy and Material Practice. – 105 p. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/how-technology-is-reshaping-supply-and-demand-for-natural-resources>
5. *Козлов Д.* Бурение под ценовым давлением. Рынок нефтесервиса в РФ страдает от консолидации отрасли// Коммерсантъ. – 2017. – 2 нояб. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3456140?from=four_business
6. Деньги на химии. Сессия ВЭФ «Нефте- и газохимия на Дальнем Востоке – новые ниши для бизнеса?»//Экономика Дальнего Востока. – 2017. – № 10. – Минвостокразвития. – С. 20–21.
7. Газовый проект. URL: <http://irkutskoil.ru/gas/>
8. *Девиер А.А., Бредов В.Р.* Свод постановлений о горной промышленности. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1904.